

Об авторе

Сангхаракшита (Деннис Лингвуд) родился в 1925 году в Лондоне. Еще в юные годы он заинтересовался восточной культурой и философией и осознал себя буддистом.

Во время Второй мировой войны он оказался в Индии, где и остался, избрав путь буддийского монаха. Пройдя обучение под руководством ведущих наставников разных буддийских традиций, он сам стал передавать учение и писать книги. Прожив в Индии двадцать лет, Сангхаракшита вернулся в Англию, став одной из ключевых фигур в распространении буддизма на Западе. В 1967 году он основал Общество друзей Западного буддийского ордена (FWBO), а в 1968 — Западный буддийский орден. С тех пор он уделяет много времени лекциям, писательскому труду и путешествиям. Глубина его опыта и ясность мышления получили высокую оценку во многих странах мира.

Сегодня FWBO — это международное буддийское движение, имеющее более шестидесяти центров на пяти континентах. В последние годы Сангхаракшита передал большинство своих обязанностей старшим ученикам Ордена. Поселившись в Бирмингеме, он уделяет основное внимание личным встречам с людьми и литературному труду.

Предисловие редакторов АНГЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ

Жизнь Будды привлекает западные умы с тех самых пор, как ученые впервые познакомили с ней европейских читателей. Посвященная ей пространная поэма «Свет Азии» сэра Эдвина Арнольда была очень популярна в начале XX века. Рихард Вагнер, проживи он достаточно долго, почти наверняка сочинил бы оперу о Будде, Герман Гессе написал о нем роман, имевший большой успех, а сегодня пришла пора кинорежиссеров. Ни одна из этих трактовок не является — а у Вагнера не явилась бы — просто жизнеописанием: создается впечатление, что ученые и историки коснулись темы, которая по сути своей выходит за пределы их компетенции. Для очень многих людей, даже если они не собираются становиться буддистами, Будда является архетипом искателя истины. И как таковой он, скорее всего, символизирует некий аспект человеческой природы, который надлежит исследовать более глубоко, нежели это позволяют сделать неприкрашенные исторические факты.

Порой создается впечатление, что религиозное наследие Запада омрачено язвительными нападками и политической борьбой, а святые таинства вызывают не благочестивое изумление, а недоуменное раздражение. В сравнении с этим

знакомый всем образ Будды выступает олицетворением непостижимого знания и сострадания. Он не призывает ни к борьбе, ни к защите, не вызывает ни страха, ни чувства вины. Напротив, он заставляет нас ощутить легкую растерянность, пересмотреть свои самые глубокие убеждения, задуматься о своих возможностях: о том, что человек может познать и что не может, и о том, кем он может стать. В Будде мы можем узнать нечто такое, что присутствует в нас самих и что мы, возможно, не принимали во внимание, и в нас может пробудиться надежда, что такое знание и умиротворение могут быть доступны и нам.

Но такое настроение быстро проходит. Может быть, непостижимость Будды, — это просто непроницаемость? Он действительно невозмутим или просто равнодушен? Действительно безмятежен или просто успокоился на достигнутом? А может быть, за этой маской вообще ничего не скрывается?

Кто же такой Будда? Модная примета нашего времени? Или удачно выбранный образ для рекламной кампании? А может быть, он действительно поставил и разрешил загадку бытия, действительно дал нам четкое руководство, как сделать это самим, — словом, действительно является олицетворением всего того, к чему мы, в конечном счете, стремимся? Очевидно, вопрошая: «Кто такой Будда?», мы задаем вопрос по существу.

Ведь этот вопрос, в отличие от вопроса «кем был Будда?», не призван удовлетворить некий научный, исторический или общечеловеческий интерес. С обычной точки зрения, этот вопрос — кто такой Будда? — не имеет смысла. Мы же не спрашиваем, например: «Кто такой Наполеон?» Говоря о давно умерших людях, настоящее время обычно используют только в том случае, если они обрели божественный статус. Например, можно спросить: «Кто такой Христос?» — если вы верите, что он восседает по правую руку от Господа Бога и живет в сердцах своих последователей. Но Будда — не Бог, не одно из божеств и не порождение Бога. Поэтому в обычном божественном смысле он не существует. И, тем не менее, вопрос, который рассматривается в этой книге, занимает умы буддистов с того самого времени, когда Будда появился, и вплоть до наших дней. В конечном счете,

это *коан*, то есть вопрос, который сам по себе не имеет ответа. Прежде чем на него ответить, мы должны измениться.

Одно из самых загадочных заглавий в современном издательском мире имеет справочник «Кто есть кто». Понятно, что это своеобразный парад личностей, играющих видную роль в общественной жизни. И, в то же время, совершенно очевидно, что на самом деле сей труд не ставит целью сообщить нам, кем является тот или иной человек, так чтобы это имело для нас какой-то смысл. Вообще говоря, мы гораздо менее склонны выставлять напоказ свою личность, чем люди прошлых поколений. Кто мы такие и какова наша цель в жизни — это те вопросы, на которые раньше у людей были готовые ответы. Большинство из них не имело ни времени, ни сил, чтобы эти ответы оспаривать. Но сегодня четкое, пусть даже несколько ограниченное, представление о себе, равно как и законченная система взглядов, которая его обеспечивает, исчезает на всех уровнях общества. Мы подвергаем всё сомнению. Нам не нужны стандартные ответы.

Именно стремление Будды преодолеть экзистенциальный кризис, с которым сталкивается человек, делает его легко доступным для современного образа мышления. Вся жизнь Будды, вплоть до того момента, как он обрел просветление, была отмечена духом сомнения, эксперимента и поиска. И учение, которое он впоследствии стал давать, ни в коем случае не навязывает непродуманного теоретизирования, божественного откровения или непререкаемых указаний свыше, которые бы препятствовали духовному поиску. Единственное различие между поиском Будды и нашим собственным — это то, что ему пришлось искать путь без подсказок и руководства. Задавая вопрос: «Кто такой Будда?», мы просто-напросто сами пытаемся исследовать реальность, как это делал он. Этот поиск принадлежит нам, поскольку такое исследование реальности — это еще и исследование себя на самом глубинном уровне.

Сейчас вам уже должно быть ясно, что в этой книге вопрос «Кто такой Будда?» не получит ответа, который имел бы хоть какое-то сходство со статьями в справочнике «Кто есть кто» или с духовными жизнеописаниями. Цель автора — постараться раскрыть самую сущность личности Будды как просветленного человека.

Первая глава книги некоторым образом решает самую сложную задачу. В ней всего на нескольких страницах дан последовательный обзор буддийского взгляда на вселенную, в рамках которого Будда может быть признан тем, кем он является. То есть она дает возможность людям Запада взглянуть на вселенную глазами буддиста. В то же самое время, Сангхаракшита старательно избегает опасности смешать эти два взгляда. Например, мысль о том, что буддизм — это некая научная религия, многим кажется правдоподобной и привлекательной. Если говорить о подходе и методах, то в обеих дисциплинах есть некоторые аспекты, позволяющие увидеть в Будде ученого, применившего к духовной жизни научный метод. Но Сангхаракшита объясняет, что такой синтез означал бы неверное понимание науки и недооценку буддизма.

Описание юных лет Будды, предшествовавших его просветлению, знакомит нас с некоторыми составляющими, которые сформировали его характер. Мы узнаём об условиях, в которых рос царевич Сиддхартха, и о том, как он использовал эти условия, дабы осуществить самый высокий замысел, на который только способен человек. Этот период его жизни — путь к просветлению — представляет собой поэтичное смешение легенд и черт характера подлинного человека. Сформировавшая его среда может показаться весьма странной, если учесть, что речь идет об основателе именно такой религии, какой обычно считают буддизм.

Поскольку до того как Сиддхартха стал Буддой, его жизнь была жизнью такого же человека, как и мы, она является для нас примером и богатым источником вдохновения. Но уроки, которые извлекает из этой древней истории Сангхаракшита, почти шокируют своей будничностью. Можно сказать, что вопросы, которые стояли перед Сиддхартхой, актуальны и для нас с вами.

Тем не менее, натуре Сиддхартхи присуща одна особенность, настолько органичная, что ее почти никогда не замечают. Это его героизм, которому в книге посвящена целая глава. Ярко выраженный боевой дух, который руководил им на протяжении всего пути к просветлению, несомненно, станет для некоторых настоящим открытием. Тема следующей главы удивит еще больше, хотя она посвящена особенностям,

столь же органично присущей состоянию будды *. Как будда он превосходит всех прочих существ, вплоть до богов, и, тем не менее, практически первое, о чем он задумался после просветления, — это кому или чему надлежит поклоняться. Почему? И какой вывод мы должны из этого сделать?

Пережив просветление, Будда посвятил всю свою последующую жизнь учению. Просветленное состояние было явно сопряжено с желанием передать пережитое другим. Но эта книга не ставит задачу подробно изложить всё, чему учил Будда. И этот аспект его жизни Сангхаракшита рассматривает под не совсем обычным углом. Он исследует не столько то, что передавал Будда, сколько природу процесса — как именно он передавал учение. В эту же главу входит краткий путеводитель по лабиринту буддийских учений, в которых голос Будды звучит поразительно разнообразно.

С другой стороны, невозможно понять, кто такой Будда, не имея некоторого представления о сути знания, сделавшего его тем, кто он есть. А поскольку это знание стало кульминацией многих предыдущих жизней, необходимо также понимать, что такое карма и перерождение. На Западе люди обычно имеют довольно туманное представление о перерождении, поэтому необходимо рассмотреть эту тему более подробно. Разумеется, не стоит отвергать буддийскую теорию кармы и перерождения, не разобравшись в ней до конца, а это, как демонстрирует терпеливый рассказ Сангхаракшита, отнюдь не такой простой предмет, как считают многие.

Что же касается «смерти» Будды, то ее традиционно связывают с медитацией, и особенно, конечно, с медитацией на тему непостоянства и смерти. Описывая некоторые из ключевых практик созерцания, принадлежащих к буддийской традиции, Сангхаракшита показывает нам, причем очень наглядно, различие между смертью в обычном смысле этого слова и «смертью» Будды. И, наконец, из последней главы

---

* Слово *Будда* пишется с большой буквы, когда речь идет об историческом будде — Сиддхартхе Гаутаме, и с маленькой во всех прочих случаях, например, когда оно обозначает любое полностью просветленное существо. — *Прим. перев.*

становится ясно, что же можно сказать о том, кто такой Будда, и что мы должны обнаружить сами благодаря духовной практике и опыту.

Дав краткое описание структуры книги, мы должны отметить, что она отнюдь не является самостоятельным сочинением и возникла как единое целое только в процессе редакции. На самом деле книга скомпонована из дюжины разных лекций. Сангхаракшита всегда уделял писательскому труду максимум возможного времени, но многие книги из обширного перечня его литературных произведений — это плоды его лекционной и семинарской деятельности, и число их продолжает расти. Его дарования в этой области уже давно получили признание, и огромное богатство размышлений и прозрений, содержащихся в записях его бесед и семинаров, постепенно издается в виде книг. Данная работа составлена из двенадцати лекций, отобранных из архива, в котором их содержится более трехсот.

Таким образом, эта книга — не просто очередная книга о буддизме, результат кропотливого труда кабинетного ученого. Это слова буддиста, передающего свои знания другим, так же как учение Будды — это его собственные слова, записанные другими. То, о чем рассказывает Сангхаракшита, есть плод его полувековых размышлений над учением Будды и практики этого учения, а также глубокой начитанности и еще более глубокого жизненного опыта, приобретенного как на Востоке, так и на Западе. Сила Сангхаракшиты в том, что ему удастся донести до нас сущность идей Будды, не фальсифицируя их, притом что в последние годы эту область наводнили доморощенный мистицизм, высосанные из пальца нелепые теории и псевдопсихологическая заумь. Эти лекции, которые автор читал в течение последних двадцати пяти лет, в разные годы и перед самой разной аудиторией, подверглись весьма радикальной редакции. Местами их сократили, а местами вставили материалы из других лекций на ту же тему. Но мы надеемся, что в результате они, хотя бы отчасти, сохранили свежесть и непосредственность живых бесед.

*Джинананда и Видьядэви,
проект «Изреченное слово»
Лондон, ноябрь 1993 года*